

Глава 19. Если бы я был волшебником.

Она долго робела перед этой темой, но решилась наконец. И вот стопка тетрадей перед ней. Неужели не получилось?

Верхняя тетрадь с заслонявленными углами — это Сёма Брызгалов, прозванный Брызгулей. Он и на самом деле «брызжущий» человек — ни минуты не посидит, слова из него вылетают, как пробки из пугача.

Итак, дорогой мой Брызгуля, ты волшебник. Так что же?

«...Я бы построил самый большой космический корабль и вывел такие семена, которые могут расти не по дням, а по часам...»

Космический корабль и удивительные семена нужны Сёме Брызгалову для экспедиции на Марс, который «пустыня, а нужно сделать, чтобы там были сады». Себе самому он отводил скромную роль командира космической экспедиции, а ответственной за озеленение Марса назначил — кого бы вы думали? — преподавателя ботаники и зоологии Майю Ивановну Унарову!

Деловито и уверенно Сёма разъяснял, почему озеленение Марса следует поручить именно их юннатскому кружку. О «волшебстве» он просто не вспоминал, поскольку речь пошла, с точки зрения Брызгули, о вполне реальном — космос, Марс, растения, ракета, Майя Ивановна. Требовалось только разрешение правительства и школьной дирекции.

Ах ты, Сёмочка дорогой, дитя космической эры! Как не почувствовать перед тобой свои годы. Когда Саргылана училась в своём шестом «А», ей и в голову не могли прийти такие деловые рассуждения о Марсе. А я ведь, Сёмочка, не из прошлой эры, мне совсем ещё недавно было двадцать! Что ж, спасибо за Марс. И за Майю Ивановну, что удостоил её такой чести, — она хороший человек, достойна быть ответственным лицом в марсианской экспедиции отважного космонавта Брызгалова, по прозвищу Брызгуля.

В следующих тетрадях «волшебного» было больше: Тима Олесов хотел бы превратиться в человека-невидимку и летать без крыльев, а Толя Курбатов предлагал смелый план истребления всех водородных бомб вместе с поджигателями войны.

А вот тетрабочка чистенькая, будто только из магазина — отличницы Дины Сергучёвой. На уроках отвечает — словно читает на память учебник. За партой не шелохнётся, не отведёт от тебя глаз. Всегда наутюжена, каждая складочка на месте. Что же в твоей чистенькой тетрабочке, маленький ты мой «всем ребятам пример»?

«Если бы я была волшебником, — прочла Саргылана, — я бы постаралась ещё лучше усваивать весь необходимый учебный и внеклассный материал, чтобы никогда не получать «4», а только «5». Дальше описывалось, как бы Дина с помощью волшебства выполняла и все другие пункты, отмеченные в

«Ступеньках пионера» и «Правилах поведения учащихся в школе и вне школы». Бедная ты моя... Хотя бы разочек дрогнуло у тебя перо в руке, хоть бы брызнули от сильного нажима чернила, написала бы шальное что-нибудь. Нет, всё правильно. Дина, Диночка. С малых лет глухое сердце... Почему?

Саргылана ещё раз прочла написанное Сергучёвой, как бы ища ответ на свой вопрос, но за ровными строчками, как за забором, ничего не разглядела. Вспомнилось, как однажды зашла она к отцу Дины. Заместитель председателя здешнего колхоза, отдельный кабинет, табличка на двери... «Хочу вас обрадовать, ваша дочь учится очень хорошо!» Но Сергучёв-отец отрубил, как резолюцию наложил: «Обязана учиться очень хорошо». Всё наше внимание уходит на двоечников, а за таких, как Дина, вроде бы и беспокоиться школе нечего. Нечего? Так ли?

А вот кто-то пишет, что будь в нём волшебная сила, всю её употребил бы на одно — оживить Владимира Ильича, лежащего в Мавзолее на Красной площади. Саргылана глянула на обложку: Алёша Тытыгынаев. Ах, Алёшенька, почему ты не волшебник?!

Он оживил бы Ильича и по праву близкого теперь человека попросил бы его приехать к ним в Арылах. Они прилетят из Москвы на ТУ-104, и Ленин придёт в избу Тытыгынаевых, и бабушка угостит дорогого гостя самым вкусным: керчехом и кобером с земляникой и поджаренным карасём на вертеле...

Стопка тетрадей перед Саргыланой заметно убывала. Кто-то из шестиклассников мечтал с помощью электричества растопить льды Ледовитого океана и превратить якутскую вечную мерзлоту в оазис. Был также проект постройки небоскрёба, в котором бы уместилось всё население республики. А вот Уле Осиповой было не до льдов и не до высотных зданий, она написала: «Я всегда думаю — почему люди часто ругаются и скверно обзывают друг друга? Если бы я была волшебником, я уничтожила бы плохие слова, сделала бы так, чтобы все люди на земле стали добрыми...»

Забитое существо, вздрагивает от каждого стука. Деревенские говорят, сколько живут вместе родители Осиповы, столько и кричат на улице, что завтра же разведутся, потащат друг друга в суд. Скандалы творятся непременно «на миру», с кулаками. Можно себе представить, сколько девочка должна была вынести, чтобы так ненавидеть брань, тосковать о словах нежных!

Саргылана побывала в доме Осиповых дважды. Особенно тягостным оказалось первое посещение. Отца она не застала, мать встретила учительницу враждебно — ходила по избе распатланная, швыряла вещи. Видимо, и в этот день уже успела поругаться со своим муженьком. Тут же, при учительнице, мать погрозила девочке: «Погоди, чертовка! Натворила чего-то, учителя попросту не ходят».

Уля со слёзами на глазах выскочила в сени. Саргылане стало так нехорошо, будто ей самой пригрозили. «Нет, нет, — стала она убеждать женщину. — Я ведь не жаловаться на Улю пришла. Она очень славная девочка. Но в школу доходят слухи, что у вас тут... некоторые ссоры бывают...»

«Ссоры?! — Глаза у женщины побелели. — Это, милочка, не ссоры. Это смерть моя, проклятье всей жизни. Только это, милочка, наше дело собственное, тебя и твоей школы не касается! Ты знай своё — учи детишек, а в наши дела соваться не смей! А то носик могут дверью прищемить».

Сейчас Саргылане даже вспомнить было противно, что она ещё услышала в избе Осиповых, пока наконец не сообразила ретироваться к двери, пролепетав с порога какие-то жалкие слова об ответственности родителей.

И вот Уля пишет: отчего люди злые... Люди! Ей целый мир представляется сплошным безобразием. Что Уле все небоскрёбы на свете — ей бы немножечко простой человеческой ласки, милосердия!

Были и другие тетради без космоса и без растопленных льдов. Волшебство маленьким авторам требовалось, чтобы вылечить больного, построить новое школьное здание со спортивным залом... Коля Мигалкин, например, написал совсем неожиданное: «Если бы я был волшебником, я бы крепко проучил Яшку Якорного Кулака! Я бы ему показал, как колотить тех, которые слабее тебя! А он ещё нарочно что-нибудь тяжёлое в варежку кладёт. Я бы ему ноги превратил в вату, чтобы не пинался. Я давно мечтаю — даже по ночам».

Яшка Якорный Кулак, по классному журналу Яков Дьячков, — долговязый угрюмый парень из восьмого класса. Однажды завуч Пестряков в учительской отчитывал драчуна. Доведённый нотацией до слёз, Яшка как дитя малое упрашивал Тимира Ивановича не вызывать родителей, клялся, что больше и пальцем никого не тронет. Вот они, его обещания!

История с Якорным Кулаком особенно взволновала Саргылану, хоть и не была «волшебной». Напиши это кто-либо другой, можно подумать, что ябеда: тётя учительница, чего он дерётся! Но это написал Коля Мигалкин, лобастый крепыш, физиономия которого вечно в бойцовских синяках и царапинах. Коля — защитник слабых и малых, среди мальчишеской братии он независимая личность. И уж если Коля открылся перед своей учительницей в сокровенном (даже ночью снится), значит, это настоящее, из души идёт. Доверие, о котором мечталось! Спасибо, ребята...

Не понять постороннему, через какие страсти-мордасти, никому другому неведомые (и, наверное, неинтересные), проходит на своём нелёгком пути учитель. Давно ли Саргылана Кустурова вступила на этот путь, а сколько уже поворотов за спиной! Была принуждённая, будто резиновая, улыбка, с которой она входила в класс. Потом, после замечания завуча Пестрякова, было железное

цоканье каблуков: идёт учительница суровая из суровых... А ещё был холодный дождь и неправдоподобно чёрные берёзовые листья — как хлопья горелой бумаги. Потом разинутый зев чемодана на кровати, плюшевый коврик, снятый со стены. Прибежала Майя Ивановна, — когда уже не было слёз, нечем было плакать. С глазами, словно обожёнными, Саргылана припала к спасительной груди, говоря себе: или ты поверишь сейчас Майе Ивановне, или уже не сможешь верить никому никогда... Вот какие повороты позади! А если бы она уехала?

Словно испугавшись того, что могло случиться, и спеша удостовериться в реальности происходящего, Саргылана зажгла верхний свет, зажгла настольную лампу, достала красные чернила и села за тетради уже с пером в руке. Волшебники волшебниками, а грамматические ошибки нельзя оставлять без внимания.

Обязательно надо повторить тему и в шестом «Б». Одно только тревожит — завуч, как ему покажутся эти мои «волшебники»? Как он меня за Дантеса-то!

В седьмой на урок литературы вдруг являются Пестряков и Аласов. Сидят на задних партах, слушают. Тимир Иванович как обычно что-то царапает в своей ужасной общей тетради с клеенчатой обложкой (учителя её так и зовут — «чёрная книга»).

Где-то в середине урока потянулась вверх рука, Андрюша Гермогенов что-то хотел спросить.

Известно, что раненый Пушкин тоже в свою очередь выстрелил и тоже попал, но только ранил Дантеса в ладонь, которой француз прикрывал себе грудь. Отец Андрюши, промысловый охотник, посмеялся над этой историей: если пуля прострелила руку, то почему же на груди и царапины не нашли? Пуля не то что царапнуть — уложить этого негодяя должна была.

— Как это объяснить, Саргылана Тарасовна?

Вот именно — как? Хотя погодите... Не так давно она читала в одном журнале... Погодите, ребята, сейчас я вам все растолкую. История эта вызвала недоумение не одного Андрюшиного отца. В наше время ею заинтересовались и некоторые учёные — медики, юристы. Писатель Вересаев, как было написано в журнале, предпринял целое исследование, сопоставляя факт за фактом. Дантес сначала был напуган вызовом на дуэль, но по прошествии двух недель его словно подменили. Он стал вести себя вызывающе нагло, угрожать Пушкину, торопить с дуэлью... Почему шакал за две недели превратился во льва? Почему пуля Пушкина, отличного стрелка, лишь ранила Дантеса в руку?

Такой тишины на своём уроке Саргылана и представить не могла: тридцать ртов застыли открытыми. Как в кино, когда Чапаев бросается в реку...

— Так слушайте, ребята. Дантесу верный ему человек успел привезти из Архангельска специальный панцирь, надеваемый под мундир. Идя на дуэль, Дантес ничем не рисковал! Он приехал на Чёрную речку для того, чтобы убить Пушкина, а самому остаться в живых.

— Вот собака-то!

— А куда остальные смотрели!

— В милицию надо было...

— Ха, в милицию! При царе Николае-то?

Что поднялось в классе! Ребята повскакивали со своих мест, затопали ногами.

Саргылана стояла, прижавшись спиной к доске. Пусть покричат. Пусть переживут горечь случившегося, несправедливость, непоправимость этой трагедии. Возмутитесь, ребята! Ничего, можно даже ногами постучать.

А потом, когда гомон несколько поутих, она стала читать:

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Смертельно раненный поэт, откинув голову, лежал на снегу, ветер трепал его чёрные кудри. А убийцы, злорадно щуря глаза, следили, как на белом разрастается алое пятно.

...Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

...А через четверть часа в учительской — молчит Аласов, молчит Саргылана, и только монотонный голос Тимира Ивановича: грубое отступление от поурочного плана, вредная отсебятина, неумение правильно распорядиться рабочим временем, использование каких-то сомнительных историй о панцире Дантеса... Самое ужасное, что Саргылана Тарасовна даже и в учительской не могла вспомнить, в каком именно журнале это было напечатано, — Тимир Иванович посматривал на неё подозрительно из-под очков: да и было ли напечатано?

— Тимир Иванович, помилосердствуйте, — попытался вступить Аласов. — С панцирем-то как раз получилось хорошо. Ведь какая главная задача урока? Вызвать у ребят активное отношение к социальному злу! И если с точки зрения методики тут можно придаться...

— Придаться? Вы считаете, Сергей Эргисович, что я всего лишь придираюсь?

Теперь пришлось круто Аласову.

— У вас, Сергей Эргисович, получается так, будто все наши поурочные планы, учебные программы и учебники — только лишний груз на ногах учителя. Вот, пожалуйста, учебник, помеченный нынешним годом, утверждённый министерством, Учёным советом Академии педагогических наук. И академия, и министерство считают, что о панцире Дантеса на уроках рассказывать не следует. Вы же с Саргыланой Тарасовной считаете, что о панцире рассказывать необходимо... Какую тут позицию прикажете занять мне, завучу школы?.. А теперь представьте, во что превратятся наши уроки, если и остальные учителя с вашего, Сергей Эргисович, благословения станут учить детей не по учебникам, а по развлекательным заметкам... Как можно, Сергей Эргисович, вы педагог опытный, а при разборе урока молодого товарища поощряете самовольство! Как я должен вас понимать в этом случае?

В тот день, испив свою чашу до дна, они возвращались из школы вместе — Саргылана и Аласов. Не скажешь, кому больше влетело — самой виновнице или её защитнику. Можно было представить, как трагикомически выглядели их унылые фигуры со стороны: идут два «новобранца», те самые, что в нынешнем учебном году пополнили коллектив передовой Арылахской школы.

— Влетело вам из-за меня? Будете знать в другой раз, как выступать в роли рыцаря Дон Аласа Арылахского.

Но Аласов вдруг сказал:

— А знаете, Саргылана Тарасовна, вы ведь учитель божьей милостью! Состоялось, понимаете? С чем и разрешите вас поздравить.

И даже голову склонил перед нею, вконец растерянной.

Вот человек: всегда остаётся сам собой. Не притворяется, ничего из себя не изображает — всегда Аласов... Однако погоди, Саргылана Тарасовна, за что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха?

Сейчас, сидя над тетрадями, Саргылана подумала: и всё-таки не в том только дело, что он её похвалил. Аласов действительно хороший человек. Недаром его полюбила Майя Ивановна — уж она-то способна полюбить лишь самого-самого...

— Ау, Ланочка!

В сенях загремели лыжи, застучали ботинки. В клубах пара и морозной свежести в комнату ввалились Майя Ивановна и Аласов — легки на помине.

— Эх, Ланочка, жаль, что не поехала с нами... Ты что такая?

— Какая?

— Какая-то не такая... О чём думала-мечтала?

— О любви, — смело сказала Саргылана.

— Вот это тема!

— О любви между мной и шестым «А». Вот посмотрите, какие они мне сочинения преподнесли! Сергей Эргисович, и вам хочу показать, почитайте, пожалуйста.

— «Если бы я был волшебником»... Гм... Сами придумали?

— Майя Ивановна, спите? Можно к вам?

— Можно, беги.

Девушка протопала босыми ногами по полу, нырнула к ней под одеяло.

— Аи, холодная... Повернись ко мне спиной, я тебя обниму.

— Майя Ивановна, мне мысль пришла...

— Опять! Я же тебе сказала: зови меня Майей... Или это так трудно?

— Майя... послушай, Майя, мне мысль пришла... Жизнь — какая всё-таки прекрасная! Всё вместе — и школа, и зима, и что вот я с вами, и мальчишки мои смешные... Жизнь — это чудо, правда?

— Правда, Лана.

— А этот Евсей Сектяев... Старуха наша нянечка зовёт его: Лэпсэй. Я ему тоже крикнула: Лэпсэй! А он мне: а?

— Имя как имя.

— Очень уж смешное. И сам он смешной... Танцует со мной, еле пальчиками держит. Вы Аласова всё вышучиваете, а мне его жалко. Я сколько раз думала: трудно вам вдвоём будет. Зато так инте-ересно! Если бы Лэпсэй был такой...

— Что ты, Ланочка? О чём ты?

Но девушка, не досказав, стихла на полуслове.

Майя бережно подоткнула под неё край одеяла, легла поудобней и стала глядеть во тьму. В ночной тишине потрескивала наружная ледяная обмазка кухонного окна: трак, трак...